

• большая детская библиотека •

ЮРИЙ КОВАЛЬ

АЛЫЙ

Рассказы

Большая детская библиотека

Юрий Коваль

Алый

«Издательство АСТ»

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коваль Ю. И.

Алый / Ю. И. Коваль — «Издательство АСТ», — (Большая
детская библиотека)

ISBN 978-5-17-148415-6

В книгу известного писателя Юрия Коваля «Алый. Рассказы» вошли следующие циклы: «Алый», «Чистый Дор», «Листобой» и «Про них». Каждый рассказ – это маленькая история, которая становится частью большого рассказа писателя о лесных зверях, о жителях дальних деревень, о чудесах русской природы и о любви к Родине. Произведения входят в школьную программу по литературе. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148415-6

© Коваль Ю. И.
© Издательство АСТ

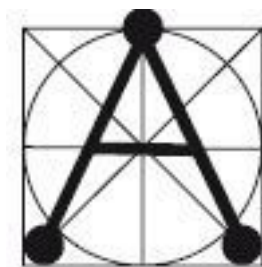
Содержание

Алый	7
Алый	7
Елец	16
Козырёк	18
Особое задание	21
Глава первая,	21
Глава вторая,	22
Глава третья,	22
Глава четвёртая,	23
Глава пятая,	24
Глава шестая,	24
Глава седьмая,	26
Глава восьмая,	26
Белая лошадь	28
Чистый дор	30
По лесной дороге	30
Чистый дор	31
Стожок	33
Весенний вечер	34
Фиолетовая птица	35
Под соснами	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юрий Коваль
Алый. Рассказы

Большая детская библиотека

© Коваль Ю. И., насл., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

АЛЫЙ

АЛЫЙ

Приехал на границу молодой боец по фамилии Кошкин. Был он парень румяный и весёлый.

Командир спросил:

– Как фамилия?

– Ёлки-палки, фамилия-то моя Кошкин, – сказал Кошкин.

– А при чём здесь ёлки-палки? – спросил командир и потом добавил: – Отвечай ясно и толково, и никаких ёлок-палок. Вот что, Кошкин, – продолжал командир, – собак любишь?

– Товарищ капитан! – отвечал Кошкин. – Скажу ясно и толково: я собак люблю не очень. Они меня кусают.

– Любишь не любишь, а поедешь ты, Кошкин, учиться в школу собачьих инструкторов.

...Приехал Кошкин в школу собачьих инструкторов. По-настоящему она называется так: школа инструкторов службы собак.

Старший инструктор сказал Кошкину:

– Вот тебе щенок. Из этого щенка нужно сделать настоящую собаку.

– Чтоб кусалась? – спросил Кошкин.

Старший инструктор строго посмотрел на Кошкина и сказал:

– Да.

Кошкин осмотрел щенка. Щенок был небольшой, уши его пока ещё не торчали. Они висели, переломившись пополам. Видно, щенок только ещё начал прислушиваться к тому, что происходит на белом свете.

– Придумай ему имя, – сказал старший инструктор. – В этом году мы всех собак называем на букву «А» – Абрек, Акбар, Артур, Аршин и так далее. Понял?

– Понял, – ответил Кошкин.

Но по правде говоря, он ничего не понял. Тогда ему объяснили, что пограничники каждый год называют собак с какой-то одной буквы. Поэтому стоит сказать, как зовут собаку, и ты узнаешь, сколько ей лет и в каком году она родилась.

«Ну и ну! – подумал Кошкин. – Здорово придумано!»

Кошкин взял щенка под мышку и понёс его в казарму. Там он опустил его на пол, и первым делом щенок устроил большую лужу.

– Ну и щенок на букву «А»! – сказал Кошкин. – С тобой не соскучишься.

Щенок, понятное дело, ничего на это не ответил. Но после того, как Кошкин потыкал его носом в лужу, кое-что намотал на ус.

Вытерев нос щенку специальной тряпкой, Кошкин стал думать: «Как же назвать этого лоботряса? На букву «А», значит... Арбуз?... Не годится. Агурец? Нет, постой, огурец – на букву «О»...»

– Ну и задал ты мне задачу! – сказал Кошкин щенку.

Кошкин долго перебирал в уме все слова, какие знал на букву «А».

Наконец он придумал ему имя и даже засмеялся от удовольствия. Имя получилось такое – Алый.

– Почему Алый? – удивлялись пограничники. – Он серый весь, даже чёрный.

– Погодите, погодите, – отвечал Кошкин. – Вот он высунет язык – сразу поймёте, почему он Алый.

Стал Кошкин учить Алого. А старший инструктор учил Кошкина, как учить Алого. Только ничего у них не выходило.

Бросит Кошкин палку и кричит:

– Апорт!

Это значит: принеси.

А Алый лежит и не думает бегать за палкой. Алый так рассуждает: «Стану я бегать за какой-то палкой! Если б ты мне бросил кость или хотя бы кусок колбасы – понятно, я бы побежал. А так, ёлки-палки, я лучше полежу».

Словом, Алый был лентяй.

Старший инструктор говорил Кошкину:

– Будьте упорней в достижении своих целей.

И Кошкин был упорен.

– Что ж ты лежишь, голубчик? – говорил он Алому. – Принеси палочку.

Алый ничего не отвечал, а про себя хитро думал: «Что я, балбес, что ли? За палочкой бегать! Ты мне кость брось».

Но кости у Кошкина не было. Он снова кидал палку и уговаривал Алого:

– Цветочек ты мой аленький, лоботрясик ты мой! Принесёшь, ёлки-палки, палку или нет?!

Но Алый тогда поднимался и бежал в другую сторону, а Кошкин бежал за ним.

– Смотри, Алый, – грозился Кошкин, – хвост отвинчу!

Но Алый бежал всё быстрее и быстрее, а Кошкин никак не мог его догнать. Он бежал сзади и грозил Алому кулаком. Но ни разу он не ударил Алого. Кошкин знал, что собак бить – дело последнее.

Прошло несколько месяцев, и Алый подрос. Он стал кое-что понимать. Он понимал, например, что Кошкин – это Кошкин, мужик хороший, который кулаком только грозит. Теперь уж, когда Кошкин бросал палку, Алый так рассуждал: «Хоть это и не кость, а просто палка, ладно уж – принесу».

Он бежал за палкой и приносил её Кошкину. И Кошкин радовался.

– Алый, – говорил он, – ты молодец. Вот получу из дому посылку – дам тебе кусок колбасы: пожёшь.

А Алый ничего не говорил, но так думал: «Что-то твои посылки, товарищ Кошкин, долго идут. Пока они дойдут, можно с голодухи ноги протянуть».

Но всё же протягивать ноги Алый не собирался. Всех собак кормили хорошо, а Кошкин даже ходил на кухню кланчить кости. И будьте спокойны, Алый эти кости обглаживал моментально.

Вскоре Алый вырос и стал совсем хорошо слушаться Кошкина, потому что он полюбил Кошкина. И Кошкин Алого очень полюбил.

Когда Кошкин получал из дому посылку, он, конечно, делился, давал чего-нибудь и Алому пожевать.

Алый посылку ниоткуда не получал, но думал так: «Если б я получил посылку, я бы тебе, Кошкин, тоже отвалил бы чего-нибудь повкуснее».

В общем, жили они душа в душу и любили друг друга всё сильнее и сильнее. А это, что ни говорите, редко бывает.

Старший инструктор частенько говорил Кошкину:

«Кошкин! Ты должен воспитать такую собаку, чтоб и под воду и под воеводу!»

Кошкин плохо представлял себе, как Алый будет подлезать под воеводу, но у старшего инструктора была такая пословица, и с ней приходилось считаться.

Целыми днями, с утра и до вечера, Кошкин учил Алого. Конечно, Алый быстро понял, что значит «сидеть», «лежать», «к ноге» и «вперёд».

Как-то Кошкин дал ему понюхать драную тряпку. Тряпка как тряпка. Ничего особенного.

Но Кошкин настойчиво совал её Алому под нос. Делать было вроде особенно нечего, поэтому Алый нюхал тряпку и нанюхался до одурения. Потом Кошкин тряпку убрал, а сам куда-то ушёл и вернулся только часа через два.

– Пошли, – сказал он Алому, и они вышли во двор.

Там, во дворе, стояли какие-то люди, закутанные в толстые балахоны. Они стояли спокойно, руками не махали и только смотрели на Алого во все глаза. И вдруг волной хлестнул запах от одного из них – Алый зарычал и бросился к этому человеку, потому что так точно пахла тряпка, какую давал ему Кошкин.

– Ну что ж, – сказал старший инструктор, который стоял неподалёку, – с чутьём у Алого всё в порядке, но это ещё не самое главное.

...Однажды Кошкин посадил Алого в пограничную машину «ГАЗ-69». В машине их уже ожидал старший инструктор. Алый сразу же хотел укусить старшего инструктора, но Кошкин сказал ему:

– Сидеть!

«Я, конечно, могу укусить и сидя, – подумал Алый, – но вижу, ёлки-палки, что этого делать не следует».

Машина немного потряслась на просёлочной дороге и остановилась у леса.

Кошкин и Алый выпрыгнули из кабины, а следом – старший инструктор. Он сказал:

– Товарищ Кошкин! Нарушена государственная граница СССР. Ваша задача: задержать нарушителя!

– Есть задержать нарушителя! – ответил Кошкин как полагается. Потом он погладил Алого и сказал: – Ищи!

Кого искать, Алый сразу не понял. Он просто побежал по опушке леса, а Кошкин – за ним, а старший инструктор – за Кошкиным. Одной рукой Кошкин держал Алого на поводке, другой – придерживал автомат.

Алый пробежал немного вправо, потом немного влево и тут почувствовал запах – чужой и неприятный. Ого! Здесь прошёл человек! Трава, примятая его ногами, успела распрямиться. Но запах-то остался, и Алый рванулся вперёд. Он взял след.

Теперь они бежали по лесу, и ветки сильно хлестали Кошкина по лицу. Так всегда бывает, когда бежишь по лесу, не разбирая дороги.

Тот, кто прошёл здесь несколько часов назад, хитрил, запутывал след, посыпал его табаком, чтобы отбить у собаки охоту бежать за ним. Но Алый след не бросал.

Наконец они прибежали к небольшому ручью, и здесь Алый забеспокоился. Тот человек прошёл давно, и вода, которая имела его запах, утекла куда-то далеко вниз.

Теперь она пахла водорослями, камешками, проплывающим пескарем. И Алому захотелось поймать этого пескаря. Но пескарь спрятался под камень. Алый тронул камень, но оттуда выскочили сразу три пескаря.

Тут Кошкин увидел, что Алый ловит пескаря, и сказал:

– Фу!

Они перебрались на другой берег, и снова Алый почувствовал чужой запах.

Скоро они выскочили на открытую поляну и увидели того, за кем гнались.

Тот бежал, и оглядывался, и махал от страха руками, и рукава его одежды были ужасно длинными.

Кошкин бросил поводок, и Алый огромными прыжками стал нагонять нарушителя. Потом он прыгнул последний раз, пролетел по воздуху, ударил бегущего в спину и сшиб его с ног. Тот упал ничком и даже пошевелиться не мог, потому что Алый придавил его к земле.

Кошкин еле оттащил Алого за ошейник.

Тогда лежащий приподнялся и сказал:

– Ну и собачка у вас, товарищ Кошкин! Обалдеть можно!

Человек, за которым они гнались, был не кто иной, как Володька Есаулов, приятель Кошкина и тоже пограничник. И всё это была пока учёба.

Старший инструктор сказал:

– Собака работала хорошо. За такую работу ставлю ей отметку четыре.

– За что же четыре? – спросил Кошкин. – Надо бы пять.

– За пескаря, – ответил старший инструктор.

«Проклятый пескарь!» – подумал Кошкин. Он хорошо знал, что пограничная собака не должна отвлекаться, когда идёт по следу.

Все сели в машину, чтобы ехать назад, а Кошкин достал из кармана отличный сухарик и сунул его Алому в пасть.

И Алый, хрустя сухарём, подумал про старшего инструктора и про Володьку Есаулова: «Вам небось после такой беготни тоже хочется погрызть сухарика, да товарищ Кошкин не даёт».

Наконец настал день, когда Кошкин и собака Алый попрощались со школой собачьих инструкторов. Они поехали служить на границу.

Начальник заставы сказал:

– А, ёлки-палки, Кошкин!

– Так точно! – гаркнул Кошкин, да так громко, что у начальника заставы чуть револьвер не выстрелил.

– Вижу, вижу, – сказал начальник, – вижу, что ты научился отвечать как следует. Только попрошу так сильно не орать, а то у меня чуть револьвер не выстрелил.

Потом командир спросил:

– Как же зовут собаку?

– Алый, товарищ капитан.

– Алый? – удивился начальник заставы. – Почему Алый?

– А вы погодите, товарищ капитан, – ответил Кошкин, – вот он высунет язык, и вы сразу поймёте, почему он Алый.

А застава, куда приехали Кошкин и Алый, была в горах. Кругом-кругом, куда ни погляди, всё горы, горы... Все они лесом заросли: ёлками, дикими яблонями. Взабираются деревья вверх, налезают на скалы. А из-под корней вываливаются круглые камни да острые камешки.

– Видишь, Алый, – говорил Кошкин, – вот они, горы. Это тебе не школа собачьих инструкторов.

Алый глядел на горы и думал: «Просто странно, отчего это земля так вздыбилась, к небу колесом пошла?... Быть бы ей ровной...»

Трудное дело – охранять границу. Днём и ночью ходили Кошкин и Алый по инструкторской тропе. Тропа эта – особая. Никому по ней нельзя ходить, кроме инструктора с собакой, чтобы не было постороннего запаха.

Рядом с инструкторской тропой идёт широкая вспаханная полоса. Кто бы ни пошёл через границу, обязательно оставит след на вспаханной полосе.

Вот Кошкин и Алый ходили по инструкторской тропе и смотрели на вспаханную полосу – нет ли каких следов?

Дни шли за днями, и ничего особенного не происходило. А на вспаханной полосе были только шакальи да заячьи следы.

– Дни идут за днями, – говорил Кошкин, – а ничего особенного не происходит.

«Беда невелика, – думал Алый, – не происходит, не происходит, да вдруг и произойдёт».

И действительно.

Как-то вернулся Кошкин с ночного дежурства и только хотел лечь спать – тревога!

Тревога!

Кто-то перешёл границу!

Тревога!

В ружьё!

Через две минуты на заставе остались только дежурные. Словно ветер сдул пограничников, да так ловко сдул, что они оказались там, где надо...

Кошкин и Алый очутились у горного озера. Там, в озере, плавали форели – тёмные рыбы с коричневыми звёздами на боках.

На берегу Кошкин увидел знакомого старика, который вообще-то жил неподалёку, а сейчас удил форель. Этот старик нередко помогал пограничникам.

– Здравствуй, Александр, – сказал Кошкин.

Старик кивнул.

– Никого не видел? – спросил Кошкин.

– Видел.

– Кого?

– Босого мужика.

– Тю! – сказал Кошкин. – Какого босого мужика?

– Тю, – сказал теперь старик Александр. – Косолапого.

Кошкин плюнул с досады: он вспомнил, что босым называют медведя.

– А больше никого не видел?

– Видел.

– Кого?

– Обутого мужика.

– Ох, – рассердился Кошкин, – дело говори!

Но старик Александр дело говорить не стал. Он любил говорить странно и шутливо, поэтому сейчас он просто ткнул пальцем в сторону лысой горы. Но Кошкину и этого было достаточно. Он сделал Алому знак, и они побежали в ту сторону.

Было тихо, тихо, тихо. Но вдруг откуда-то сорвался ветер, закрутился колесом и донёс до Алого запах, странный, недобрый. Тронул ветер верхушки ёлок и тревожно затих и так притаился, как будто ветра и не было на свете...

Алый взял след. И теперь Кошкин продирался за ним через густые терновники, скатывался в овраги, поросшие ежевикой. Алый шёл по следу возбуждённо – острый, чужой запах бил прямо в нос.

Алый зло залаял, и сразу Кошкин увидел человека – на дереве.

Он сидел на дереве, на дикой яблоне: словно пантера, прижался к чёрному корявому суку.

– Вниз!

И человек спрыгнул с ветки и, отряхиваясь, заговорил:

– Да я так просто, яблочков хотел пожевать, яблочков.

– Оружие – на землю!

– Да нет у меня никакого оружия, – сказал человек. – А я так просто, яблочков хотел было пожевать, кисленьких.

И вдруг он прыгнул на Кошкина и в ту же секунду оказался на земле, потому что Алый сшиб его с ног и прокусил руку, сжимавшую нож.

– О-о-о! – закричал человек, а потом замолчал – так страшно было увидеть над собой раскрытую собачью пасть...

Когда Кошкин вёл его на заставу, он всё бубнил:

– А я-то яблочков хотел было пожевать... – А потом оглядывался на Алого и говорил: – У-у-у! Дьявол проклятый!

Алый бежал сбоку, и что он думал в этот момент, сказать трудно.

Так и служили Кошкин и Алый на границе.

Командир заставы часто посылал их в секрет. Они прятались в кустах и следили, чтоб никто не перешёл границу.

Они так прятались, что их нельзя было увидеть, а они видели всё. Словом, секрет.

Пробежал мимо заяц – они даже и не шевелились. Если пробежал шакал, тогда Алый думал: «Беги, шакал, беги. Жаль, что я пограничная собака, а то бы я тебе уши-то пооборвал».

Кошкин, конечно, не знал, о чём думает Алый, но сам глядел на шакала я думал: «Жалко, что Алый – пограничная собака, а то бы он от этого шакала камня на камне не оставил».

Вот так и служили Кошкин и Алый на границе. Время шло и медленно и быстро.

«Медленно-то как идёт время», – думал Кошкин иной раз.

«Быстро-то как время бежит», – думал он в другой раз.

Уже наступила весна. С гор текли ручьи из растаявшего снега и льда. На некоторых тёплых местах даже пошевеливались змеи и ящерицы. Было полно подснежников и горных фиалок.

Кошкин и Алый шли по инструкторской тропе.

От ручьёв и тающего снега, мокрых камней и свежей земли, от цветов и от ящериц стоял такой могучий и нежный запах, что у Кошкина кружилась голова и он был ужасно чему-то рад.

Алый фыркал, водил по сторонам мокрым носом и тоже был странно возбуждён.

«Ёлкины палки, – думал Алый. – Что это со мной творится?» Он как-то не понимал, что просто его охватило весеннее собачье веселье.

Чоп-чоп-чоп-чоп! – Алый бежал по оттаявшей вязкой земле.

Фру-фру-фру-фру! – теперь он ломал ледяную корку.

Они спустились в ущелье, и Алый зло ошетинился. И Кошкин сразу увидел следы.

Огромные, чёрные, они ясно отпечатались на вспаханной полосе. Это были совсем свежие следы медведя.

«Может быть, человек?» – подумал Кошкин. Он знал, что есть люди, которые надевают на ноги подобия медвежьих лап, чтобы перейти границу.

Кошкин внимательно оглядел след. Сомнений не было – медведь. Но надо было проверить.

Алый чуть дрожал, скалил зубы, чувствовал зверя. Ясно было – медведь. Только надо было проверить.

– Вперёд! – шепнул Кошкин.

Алый туго потянул поводок и пошёл по следу.

Солнце поднялось выше, и ручьи заурчали погромче. Послышались новые, самые разнообразные звуки: какие-то потрескивания, позвякивания, потряхивания.

«Оррк! Оррк!» – орал в небе огромный ворон, утомлённый солнечной весной.

След привёл к большим камням, которые громоздились в устье ущелья. Камни были покрыты ледяной коркой, а на ней мелкой россыпью бродили ручейки, разрезали узорными желобками лёд. От камней поднимался пар.

Они вбежали в облако пара, и тотчас закружились белые струйки, как будто все бесчисленные весенние ручейки вдруг рванулись вверх, к небу.

«Ах! Ах! – залаял Алый, и залаял он не так, как обычно, а странно: – Ах! Ах!»

Огромный зверь встал перед ними. И так близко, что видны были весенние капли в блестящей шерсти.

Медведь!

Кошкин изо всей силы рванул поводок и отбросил Алого назад.

Но медведь был по-весеннему зол. Он вздыбил шерсть и замигал глазками, красными и разъярёнными. Прыгнул вперёд, подцепил Алого лапой.

Алый увернулся бы, да камень помешал – камень, окутанный паром. От страшного удара Алый взлетел в воздух, разбрызгивая капли крови.

«Алый!» – хотел крикнуть Кошкин, но крикнул только:

– А-а-а... – и поднял автомат и выстрелил несколько раз.

Мёртвый медведь лежал, вцепившись зубами в камень. Он крепко обнял его мохнатыми лапами, и светлый ручей из расселины хлестал через его голову.

Кошкин перевязал Алого и понёс его на заставу. Все мысли Кошкина запутались, сбились в клубок. Он прижимался ухом к спине Алого и слышал, как невероятно быстро, не по-человечески колотится его сердце.

На заставе фельдшер промыл рану Алого и долго-долго зашивал её. Было ужасно больно. Алому всё время хотелось зря укусить фельдшера, но Кошкин стоял рядом, гладил Алого и нарочно грубо говорил:

– Подумаешь, медведь! Барахло какое!

«Зашивайте, зашивайте поскорее, – думал Алый. – Больно же...»

Когда фельдшер зашил рану, Алый сразу хотел вскочить, но сил-то не было. И Кошкин понёс его в сарайчик, где жили собаки. На руках у Кошкина Алый уснул...

Потом побежали день за днём. Солнце перекачивалось над горами, облака сталкивались в небе с тучами, падал на землю дождь, и навстречу ему выползали из земли толстые стебли, налитые зелёным соком.

Алый всё время чувствовал, как заживает, затягивается его рана, и торопился её лизать. Ему казалось, что он может слизнуть языком тупую, тягучую боль.

Когда рана поджила, Кошкин стал выводить его во двор заставы. Кошкин садился на лавочку и играл на гитаре, а Алый лежал у его ног, мигая на солнце.

Алому было странно слушать, как тянутся звуки со струн, плывут над его головой и закручивают её. Он поднимал голову – и утомительный вой вылетал из его горла. И Алый закрывал глаза и хватал зубами воздух, будто хотел укусить собственную песню.

Подходили пограничники, слушали Алого и смеялись, расспрашивали про медведя.

– Вообще-то я медведей побаиваюсь, – говорил Кошкин, отставив гитару. – Кусаются.

Алый, конечно, ничего не говорил, но думал: «С медведями держи ухо востро».

Весна прошла, а потом прошло и лето, а потом и осень кончилась. Выпал снег. От него выровнялись кривые горы, и даже в ущельях, под нависшими камнями, сделалось ясно.

Хоть и неглубок был первый снег, на нём хорошо был виден след нарушителя. Снег был пробит, продавлен подкованным сапогом до самой земли, до осеннего листа.

– Тяжёлый человек прошёл, – сказал рядовой Снегирёв про того, кто натоптал след.

– Да, – отозвался Кошкин, – тяжеловат.

Алый нервничал, тянул Кошкина по следу, но Кошкин сдерживал его, раздумывал.

– Ну? – спросил Снегирёв.

– Будем преследовать, – отозвался Кошкин и кивнул Алому.

Быстро пошёл Алый по следу. Бежит за ним Кошкин, старается так попевать, чтобы ошейником не резало ему шею. Снегирёв бежит чуть сзади.

След – в крутую гору. Видно, что «тяжёлому» трудно вато подниматься. Вот он споткнулся... Стоп! Разглядел Кошкин след, и стало ему понятно, что впереди двое, что «тяжёлый» тащит на себе «лёгкого».

Поднялись в гору – след под гору пошёл. Трудно бежать под гору – пороша все камни покрыла. Оступишься – и выскользнет камешек из-под ноги, да так выскользнет, что тебя перекувырнёт в воздухе да об этот камешек затылком трахнет.

След привёл к дороге, и там Кошкин понял вот какую штуку: «тяжёлый» отпустил «лёгкого». Тот вперёд побежал, а «тяжёлый» его следы затапывал.

Ух, горные дороги! Справа – скала, слева – обрыв, а на дне его – бешеный зелёный ручей. Крутит, вертит дорога вокруг горы – за скалу, за корявую кручу.

Выбежали Кошкин и Алый за поворот – выстрел навстречу. Пуля взвизгнула об камень, ударилась о другой, забила яростно между камнями, пока не утонула в мягком стволе дерева.

Кошкин и Алый за валуном схоронились, за другим – Снегирёв. Выстрел – заныли каменные осколки, пуля дугой улетела в небо.

Кошкин выглянул осторожно и увидел, как темнеет за камнем рука с пистолетом, покачивается в воздухе... Ударил Кошкин из автомата и разбил её.

Прыжок – Алый взмахнул на спину «тяжёлого», режет когтями его одежду, страшными зубами шею сдавил.

Подбежали Кошкин и Снегирёв, обезоружили нарушителя, связали. Скорчившись, сидел нарушитель на земле, дрожал, и вокруг него таял снег. Он плевал себе под ноги, и Кошкин Алого в сторону отвёл, будто боялся, что плевики злого человека ядовитые.

Кошкин и Алый побежали дальше по следу, а Снегирёв остался пойманного сторожить.

Дорога здесь была уже нахожена-наезжена, и следы «лёгкого» поэтому часто терялись, затаивались среди следов других людей.

Впереди у дороги стоял дом. Тут жил старик Александр. Кошкин оглядел дом, укрывшись за скалой. В узких окошках ничего не было видно, а на диких яблонях, растущих вокруг, сидели куры.

Алый тянул по следу мимо дома, но Кошкин решил зайти, расспросить Александра.

Старик сидел в комнате, завешанной вязками красного перца и косицами, наплетёнными из лука. Он курил трубку.

– Здравствуй, Александр, – сказал Кошкин, придерживая Алого.

Александр выпустил колесо дыма.

– Здравствуй, Кошкин.

– Никого не видел?

– Видел, – сказал Александр и, косясь на Алого, снова выпустил колесо дыма. Оно неторопливо догнало первое, ещё висящее в воздухе.

– Скорее! – сказал Кошкин. – Скорее говори: где он?

Александр подмигнул Кошкину и выпустил третье колесо.

– Не спеши, не спеши, Кошкин, – сказал Александр и, выпустив четвёртое колесо дыма, встал.

Он подошёл к окну и поглядел в него, а потом поманил Кошкина пальцем.

Кошкин выглянул в окно и увидел врага. С крутого откоса тот спускался вниз, к ручью.

Вода раскалывается о камни, грохочет, разлетается пеной, брызгами.

Прозрачные космы закручиваются, свистят, и медленно-медленно под напором воды сползают камни, подталкивают друг друга скользкими плечами и с внезапным рёвом поворачиваются лениво и грозно набок.

Осторожно спускается Кошкин, прячется за кустами с красными ягодами, за валунами, припорошёнными снегом.

За звоном воды, за каменным гулом не слышно шага, треска колючего сучка под ногой. И не слышно, как орёт в небе ворон, а только разевает рот, пролетая за гору.

Алый медленно ведёт, извивается напряжённо, как живая пружина. Он весь наполнен запахом врага, он видит его.

Тот уже у самого ручья. Остановился, думает, где ручей перейти.

Алый сжался в комок.

Вот Кошкин отпустит его.

Вот отпустил...

Алый расстелился по земле – и прыгнул, будто взмахнул всем телом. Остановился, застыл в воздухе на секунду – и рухнул на врага. Ударил его в спину. Рванул.

Тот упал, но вывернул назад руку и выстрелил в Алого – раз, другой, третий.

Алый вырвал пистолет, и металл будто треснул в его зубах, как чёрная кость.

Кошкин ударил врага, скрутил ему руки...

Зелёные дуги сшибаются в ручье, захлёстывают друг друга, звон выбивают и пену.

Кошкин глянул на Алого и схватился за голову. Без движения лежал Алый на снегу.

Кошкин поднял его, и тепло-тепло стало его рукам, будто он опустил их внутрь абрикоса, нагретого солнцем.

Тепло струилось между пальцев, утекало, лилось в снег. Руки его стали алыми.

...Алый был жив, когда Кошкин принёс его на заставу. Пули не задержались в его теле – вылетели вон.

Алый тяжело дышал, и глаза его то просветлялись, то становились мутными. Кошкин глядел в них и не знал, видит ли его Алый.

Но Алый видел Кошкина и понимал, что это Кошкин – мужик хороший.

– Умрёт он, – сказал фельдшер.

Но Кошкин не поверил. Он сидел рядом с Алым и гладил его по голове. Он рассказывал Алому, что скоро получит из дому посылку. А там, в этой посылке, чего только не будет: и колбаса, и сало, и коржики.

– То-то пожую, – говорил Кошкин.

Алому было приятно слушать голос Кошкина. Но только над головой его поплыли длинные мягкие птицы, закружили её, заморозили. Голова его стала такая тяжёлая, что он не смог её больше держать и уронил на передние лапы.

«Жалко мне тебя, Кошкин...» – подумал было Алый, но не сумел додумать, почему он жалеет Кошкина. Алый вздрогнул два раза и умер.

А Кошкин никак не мог понять, что Алый умер. Он гладил его и говорил:

– И колбаса там будет, и сало, и коржики...

Елец

На одной заставе жил пёс, которого звали Елец. Это был уже старый пёс. Настоящую службу он нести не мог.

– Что поделать, – говорил сержант Кошкин, – собаки быстро стареют, не то что человек.

Но конечно, дело было не только в этом. Чуть не десять лет охранял Елец границу. И за это время побывал в разных переделках. В таких, из которых человек-то не всегда целым выходил.

Но Елец всё-таки вышел из этих переделок и теперь жил как бы на пенсии. Горшок борща с хорошей костью – вот это и была его пенсия.

А застава, где жил Елец, находилась на вершине горы, и дороги туда не было. Вместо дороги в гранитной скале были выбиты ступеньки – ровно четыре тысячи. По этим ступенькам каждое утро вниз, в долину, спускались Кошкин и ещё два бойца. Они шли вниз, на базу, а с ними бежал Елец.

Холодно было на вершине.

С заставы бойцы выходили в полушубках, но, пройдя три тысячи ступенек, полушубки снимали и прятали в расселину – с каждым шагом становилось теплей.

Пока они хлопотали на продовольственной базе, Елец лежал на тёплых камнях и сонно хлебал борщ из алюминиевой миски. К полудню Кошкин оканчивал свои дела.

– Ну, – говорил он, подмигивая Ельцу, – теперь бы крошечки погонять.

Как-то они возвращались на заставу и тащили на себе большие мешки, а Кошкин нёс ещё и бидон с молоком.

Бидон сверкал, и издалика казалось – три горбуна ползут по лестнице в облака и несут с собою зеркало.

Издали на пограничников смотрел человек.

А они обливались потом и старались не считать про себя ступеньки. Но ступеньки считались сами собой: сто одна, сто две, сто три, сто четыре...

У тысячной ступеньки Кошкин поставил бидон, достал из расселины полушубок и вытряхнул ящериц, которые грелись в руках.

– Катитесь! – сказал он ящерицам.

С вершины дунул ветер, поднял со ступенек горсть гранитной пыли. Елец зарычал.

К запаху ветра, пришедшего с вершины, подмешался запах человека.

– Чужой, – сказал Кошкин.

– Да нет, это Елец так волнуется, от старости.

«Неужто заметили?» – подумал человек, укрывшийся в камнях, и поднял пистолет.

– Чужой! – повторил Кошкин.

И тут же белый снаряд ударил его в лицо. Пуля пробила бидон – молочная струя хлестнула по ступенькам.

Нарушителю показалось, что выстрел сшиб всех трёх пограничников. Только пёс крутился на ступенях. А они отползли со ступенек и повисли над обрывом. Мешки заслонили их.

Нарушитель ещё раз выстрелил в Ельца, и пуля – надо же! – снова ударила в бидон. Он прыгнул от удара и со звоном покатился вниз, разбрызгивая остатки молока.

Бидон сорвался в пропасть, и ветер подхватил его, засвистел в дырках от пуль. Бидон падал в пропасть, словно огромный сверкающий свисток.

Кошкин увидел человека, прижавшегося к камню, и выстрелил. Пуля попала в камень – осколки резанули нарушителя по щеке. Он побежал.

Кошкин ещё раз выстрелил – нарушитель оступился и сорвался в пропасть, где прыгал ещё и бился на дне измятый простреленный бидон.

Как-то сержант Кошкин увидел во дворе продовольственной базы ушастого ишака.

– Это ещё что? – спросил он.

– Ишак, – ответили солдаты с продовольственной базы, – мы на нём продукты возим.

– Дела! – сказал Кошкин. – А как его зовут?

– А никак. Ишак, и всё.

– Вот что, ребята, отдайте его мне.

– Ну нет, – сказали солдаты, – это наш ишак, а не твой.

– Ладно вам, – уговаривал их Кошкин и объяснял, как трудно таскать на гору продукты.

Пока сержант разговаривал с солдатами, Елец подошёл к ишаку и ткнул его носом в бок. Ишак качнул головой.

– Да не пойдёт он по ступенькам, – говорили солдаты с продовольственной базы, – этот ишак привык ходить по ровному месту.

– Моя будет забота, – ответил Кошкин.

Он привязал на спину ишаку мешки с продуктами и бидон. Потом хлопнул его ладонью и сказал: «Валяй!»

Ишак потихоньку пошёл, покачивая головой.

У скалы, где начинались ступеньки, ишак остановился.

– Так и есть, – говорили солдаты с продовольственной базы (они глядели снизу в бинокль), – этот ишак привык ходить по ровному месту.

– Давай, давай, – подталкивал ишака Кошкин, – валяй!

Ишак не хотел идти наверх. Не то чтобы он упирался или брыкался, а просто стоял, и всё.

– Ишак-то наш, – сказал Кошкин, – видно, глуповат.

Тогда Елец подошёл к ишаку и ткнул его носом.

То ли нос был у Ельца холодный, то ли, наоборот, тёплый – только ишак качнул головой и пошёл по ступенькам.

«Да что он? Укусил его, что ли?» – думали солдаты с продовольственной базы.

Ишак медленно поднимался в гору, ступенька за ступенькой. Елец бежал рядом и поглядывал, как бы ишак не свалился в пропасть. Так они и добрались до заставы: впереди ишак, за ним Елец, а следом, налегке, Кошкин.

Прошла неделя, другая, и Кошкин перестал спускаться вниз.

Он навьючивал на ишака порожние мешки, хлопал его ладонью и говорил: «Валяй!» Ишак спускался по ступенькам, а следом бежал Елец. На базе солдаты нагружали ишака, тоже хлопали его по спине и тоже говорили: «Валяй!» Ишак отправлялся обратно.

Издали странно было видеть, как поднимается по ступеням в облака маленький ушастый ишак, тащит на себе мешки и бидон, сверкающий, как зеркало, а следом бежит старый пёс Елец.

Козырёк

Высоко в горах – пограничная застава.

Там совсем не растут деревья. Даже ни одного кустика нигде не видно – всё серые скалы и красные камни.

Круглый год над заставой дует ветер.

Летом он несёт мелкие камешки и пыль, весной и осенью – пыль, смешанную с дождём и снегом, а зимой – снег, снег, снег...

В тот год зима пришла рано. Горный тугой ветер наметал огромные сугробы, разрушал их и взамен выдувал новые, ещё более огромные и причудливые.

Начальником заставы был лейтенант по фамилии Генералов.

– С такой фамилией быть тебе генералом, – говорили ему друзья.

А лейтенант Генералов отвечал:

– Мне и так неплохо.

Рано утром 31 декабря, то есть под самый Новый год, лейтенант вышел на крыльцо и удивился: тихо вокруг и даже солнце светит. Он уже хотел закурить, как вдруг увидел на склоне горы какую-то штуку.

«Это ещё что? – подумал лейтенант. – Неужто козырёк?»

На склоне горы, над обрывом, висел большой тяжёлый сугроб, нахлобученный ветром на камни.

В горах ветер выделяет со снегом всякие чудеса. Вот он смёл его на край обрыва – и получился сугроб-козырёк. Висит он в воздухе, и на чём держится – непонятно. А сорваться может в любую минуту.

Было очень солнечно, и козырёк светился оранжевым и красным. Под ним лежала ясная изумрудная тень, и в тени этой медленно двигались кривые солнечные зайчики.

Самый край козырька был зазубренный, будто хребет какого-то древнего зверя. Он припал к скале, прижался к камню холодным радужным телом – вот прыгнет вниз и накроет человека широким крылом.

– Да, – сказал старшина Кошкин, подходя к лейтенанту, – противная штуковина.

Они ещё поглядели на козырёк и решили его разрушить.

– А то ведь что может быть, – сказал старшина, – снегу поднавалит, рухнет козырёк и, того гляди, кого-нибудь из наших ребят зацепит.

Лейтенант и старшина надели лыжи и пошли в гору.

Такие козырьки часто обваливаются от громкого звука, поэтому, когда они подошли совсем близко, лейтенант хотел стрелкнуть.

– Погодите, – сказал старшина, – чего зря патрон тратить.

Он набрал полную грудь воздуха и вдруг крикнул:

– Полундра-а!

Никакого толку – козырёк не дрогнул.

– П-р-ропади ты пропадом! – крикнул старшина.

Козырёк опять не дрогнул. Тогда лейтенант достал пистолет и выстрелил. От выстрела зазвенело в ушах и что-то где-то ухнуло в ущелье, но козырёк так и не шелохнулся.

– Не созрел, – сказал старшина, когда они шли обратно на заставу.

Солнце быстро пробежало по небу, и день кончился.

А вечером поднялся буран.

Ветер выл, разбрасывал снежинки, крепкие, как пули.

На заставе устроили новогодний ужин. Солдаты пили компот из кружек, потому что вина им нельзя – граница за горами. А горы – вот они. Поиграв на баяне и поглядев новогоднюю ёлку, солдаты легли спать. А лейтенант Генералов подозвал старшину и сказал:

– Тревожит меня этот проклятый козырёк. Как бы не рухнул.

– Буранище крепкий, – ответил старшина, – но будем надеяться, всё обойдётся.

Ветер ещё усилился, всё больше наметал снегу.

Козырёк вырос, распух и уже еле держался над обрывом. Вот он медленно наклонился – кррр! – что-то скрипнуло у него внутри. Он прополз немного и вдруг рухнул с горы.

Страшная снежная волна помчалась вниз, сметая и расшибая сугробы.

Лейтенант Генералов хотел лечь спать, когда услышал какой-то шум. Вот стена дрогнула перед его глазами. Дёрнулся пол. Он кинулся к двери, но дверь сама вылетела ему навстречу. В грудь ударило чёрной волной. И эта чёрная волна – был снег.

Лавина рухнула на заставу. Снег вышиб окна, ворвался в комнату, где спали солдаты, и забил её до потолка. Новая волна сшибла дом с места, опрокинула набок и совсем завалила его.

Лейтенант Генералов пробовал шевельнуться и не мог. Его сдавило так плотно, будто не снегом, а студёной жёсткой землёй. Он забился в снегу, расталкивая его локтями, но холодная тяжесть давила на плечи, и не было сил с ней справиться.

«Ну, всё, – подумал лейтенант, – не выберусь...»

Он задыхался. Широко раскрыв рот, он пытался вздохнуть и втягивал в себя снежную труху. Она таяла на губах, на щеках. Он ударил в снег кулаком, и рука его встретила пустоту – окно, выбитое снежной волной.

Лейтенанту Генералову повезло. Он протиснулся через окно, попал в полосу рыхлого снега и выбрался на гребень сугроба.

В предутреннем свете глянул вокруг и не увидел заставы. Ни крыши, ни стен, ни дверей – снег...

Он крикнул, но никто не услышал его.

Он один выбрался из-под обвала.

Ветер выл, затягивал сугроб узлами, нёс льдинки, которые со звоном впивались в лицо.

Лейтенант пробрался обратно через то же окно, и уткнулся в снежную стену, и стал её разгребать. Руки сразу застыли, сделались вроде деревянные, выструганные из еловой доски, и он разгребал снег, словно двумя лопатками.

Он полз и что-то кричал в темноте, но что это были за слова и какой в них заключался смысл, разобрать было невозможно.

Прошёл, наверно, час. Лейтенант пробил в снегу узкую щель и добрался до койки, на которой всегда спал солдат Игорь Соколов. Койка была пуста.

Стало страшно. Показалось, что нету уже никого под снегом, что все люди умерли, рассыпались и превратились в снег.

Вдруг он почувствовал: шерсть какого-то зверя трогает руками! Будто бы зверь этот спит здесь, в снегу. Это была ветка новогодней ёлки.

«У-у-у-у-у-у-у!» – послышалось, и он не мог понять: ветер ли воет, человек ли зовёт. И понял, что рядом живой, что это он кричит, а слов не разберёшь и слышен только глухой жуткий звук: «у-у-у-у-у-у-у...»

Старшина Кошкин пробирался навстречу лейтенанту, и они столкнулись лицом к лицу в темноте.

Теперь они копали вдвоём и помогли выбраться ещё двум солдатам.

Они нашли фонарь и нашли автоматы и вчетвером уже крушили снег.

Через два часа они откопали всех. Только солдата Соколова нигде не было. Они копали ещё час и нашли Соколова.

А к утру буран поутих. Выбравшись наружу, пограничники увидели, что все постройки на заставе занесены снегом, только радиоантенна торчит, будто метёлочка.

Увязая в снегу, они стали спускаться с горы на соседнюю заставу и поочерёдно несли на руках Игоря Соколова.

Когда наступила весна и снег начал таять, старшина отправился на заставу. С ним пошёл Игорь Соколов. Они долго бродили, разбрасывали снег, разыскивая вещи, заваленные лавиной. Вдруг старшина услышал какой-то странный звук.

– Слышишь что-нибудь, Соколов?

– Слышу, кто-то слабо хрюкает!

– Слабо хрюкает?

– Слабовато!

– А ну давай лопату!

Они копнули два раза и выкопали... живую свинью!

Три месяца прожила она под снегом – и хоть бы что: тощая была – смотреть жалко. Всю землю под заставой разрыла, корешки искала, этим и жива была.

Когда об этом узнали на соседних заставах, стали в гости ходить, на свинью глядеть. А пограничники её выходили, давали ей по картошине и прозвали Снежной королевой.

Особое задание

Особое задание?

Да что же это за особое задание такое?

Наверно, задание как задание, а особым называется только для красоты. Чего в нём такого особого, в задании-то в этом? Уж, наверное, ничего.

Так или иначе, а только однажды вечером...

Глава первая, в которой появляется Галоша

А только однажды вечером я очутился высоко в горах, на пограничной заставе. Конечно, я приехал сюда не просто так. У меня было задание написать рассказ про пограничников. Но только в этом задании ничего особого нет. Вот я пишу рассказ – что ж тут особого?

И вот я приехал на пограничную заставу. Голые горные вершины окружали меня, а на склоне горы, среди корявых красных камней, стояло несколько домиков.

Это и была застава.

Меня встретил начальник заставы капитан Воронцов и отвёл в один из домиков, чтоб я мог отдохнуть и побриться с дороги.

– Отдыхайте и брейтесь, – сказал капитан. – Я скоро приду.

Я стал отдыхать и бриться, и, наверное, прошёл целый час, а капитан не возвращался.

Вдруг в дверь кто-то постучал.

– Кто там? – спросил я.

– Мне неудобно, – послышалось за дверью.

– Как – неудобно? – удивился я.

– Мне неудобно из-за двери фамилию называть, – сказали из-за двери.

Я глянул в зеркало и увидел свою совершенно обалдевшую от таких ответов физиономию.

Дверь между тем скрипнула, и как-то особенно скрипнула, даже вроде фыркнула – ффрррр! – и в комнату вошёл солдат. На голове у него был поварской колпак.

– Здравствуйте, – сказал он. – Моя фамилия Галоша.

Он вдруг снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

– Гмм... – сказал я. – Как же пишется ваша фамилия: Галоша или Калоша?

– Галоша, – сказал Галоша.

– Очень приятно.

– Я слышал, что вы пишете рассказ о пограничниках?

– Пишу.

– Так я расскажу вам одну историю, а вы пишете рассказ.

Эти слова меня здорово удивили.

Я повнимательней поглядел на Галошу и увидел, что лицо у него самое обычное: нос, брови, глаза. Да, но при чём же здесь рассказ?

– При чём здесь рассказ? – спросил я. – О чём рассказ?

– Дело в том, что я повар, – быстро сказал Галоша. – Понимаете?

Он снял колпак и покрутил его в руках. Я заглянул внутрь колпака.

Там, понятно, ничего не было. Я собрался с мыслями и сказал:

– Закуривайте, товарищ Галоша.

– Что вы! Что вы! – крикнул Галоша. – Потап унюхает!!!

– Какой Потап? – удивился я. – Какой такой Потап? Что вы ваньку валяете?

– При чём здесь Ванька? – удивился теперь Галоша. – Ванька домой уехал!

Я уже ничего не понимал и глядел на Галошу, как сыч на сову. Тогда Галоша подбросил вверх свой колпак, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

– Итак... – сказал Галоша.

Глава вторая, в которой Галоша исчезает

– Итак, – сказал Галоша, – всю жизнь я мечтал быть поваром. Мне хотелось готовить супы, салаты, фрикадельки и морковные соусы. Не подумайте, что я обжора. Это – моё искусство. Вы сочиняете рассказы, а я сочиняю морковные соусы.

– Понятно, – сказал я. – Понятно. А кто такой Потап?

Галоша не ответил.

– Да... – вздохнул он. – Всю жизнь я мечтал быть поваром, и моя мечта сбылась. Когда я приехал на заставу, всех пограничников построили, и капитан спросил:

«Есть ли среди вас настоящий повар?»

«Есть!» – крикнул я и шагнул вперёд.

Ответ понравился командиру. Он сказал мне:

«Молодец!»

Так я стал поваром на заставе.

Живём мы, сами видите, в горах. Служить здесь трудно и есть хочется ужасно. Но я варил такие супы! Строил такие котлеты! И все были мной довольны, и я тоже был доволен, потому что сбылась моя мечта.

Был я доволен месяц, был я доволен другой, а потом я перестал быть доволен.

Как-то раз готовлю я суп-пюре из тыквы, а сам думаю: «Что же это такое? Все пограничники как пограничники, а я повар. Они медали то и дело получают, а я поварёшкой размахиваю. Повар и повар, да ещё по фамилии Галоша. Обидно».

Вот как-то я дождался, пока капитан пообедает, и подошёл к нему:

«Товарищ капитан! Разрешите обратиться!»

И обратился. Так, мол, и так, поваром быть отказываюсь. Желаю принести пользу Родине, охраняя государственную границу.

«Голубчик Галоша, – сказал мне капитан, – повар – важная фигура в пограничном деле».

Вот как мне ответил капитан. Что называется, отбрил.

Галоша замолчал и грустно покачал головой. А я посмотрел ему в глаза и увидел в них большую печаль.

– Товарищ Галоша, – спросил я, – а всё-таки кто такой Потап?

Но не успел я задать этот вопрос, как где-то за окном грохнул выстрел. И Галоша тут же ударил себя по лбу.

– Ах я растяпа! – крикнул он. – У меня же соус подгорел!!!

Он вылетел из комнаты, хлопнув дверью, и крикнул напоследок:

– Прощай морковный соус!

Глава третья, в которой Потап никого не признаёт

«Прощай морковный соус»? – удивился я. – Какой морковный соус? Это он меня, что ли, морковным соусом назвал? Ну нет, с Галошей с этим каши не сваришь. Во-первых, неясно, кто такой Потап, а во-вторых, что это за выстрел, который раздался за окном?»

Я вышел на крыльцо, чтобы узнать, откуда донёсся выстрел.

На улице был уже вечер. Горы потемнели. В небе гуляли тёмные полосы. Во дворе заставы не видно было ни одного пограничника. Только стоял пустой зелёный автомобиль.

«Эк ведь куда меня занесло! – думал я. – Вон там, за этой горой, – чужая земля. Здесь – наша, там – чужая. Удивительно!»

Я присел на ступеньку и задумался, разглядывая вечерние горы. Густые тени лежали уже в ущельях, а скалы, кажется, чуть шевелились в сумерках. Постой-ка, что это на скале? Человек? Или это померещилось?

– Эхе-хе, – услышал вдруг я. – Соус-то мой подгорел.

– Галоша! Это вы?

– Так точно.

Галоша присел рядом на ступеньку, а я всё разглядывал скалы, но не видел там никакого человека. Померещилось, значит.

– Закуривайте, – сказал я Галоше.

– Не могу, не могу, – сказал Галоша. – Потап унюхает!

– Тьфу ты! Совсем забыл про вашего Потапа.

Галоша помолчал немного, а потом снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

– Ну вот, – сказал Галоша. – На границу командир меня не пустил, и я оставался по-прежнему поваром. И вдруг мне подвезло! Да! Мне подвезло, потому что уехал домой Ваня Фролов. Он уехал домой, а Потап остался беспризорным. Фролов-то был инструктор службы собак, а Потап – это наш лучший пёс!

– Ну, наконец-то! – сказал я. – А я-то думаю: кто такой Потап?

– Лучший пёс! И какой пёс! Грудь – колесом. Уши – столбом. Голова – булыжник, а на зубы смотреть страшно. А лапы! Мне бы такие лапы, я бы двухпудовые гири выжимал. Такому псу палец в рот не клади – мигом оттяпает!

Потап остался беспризорным, и подойти к нему никто не может – всех перекусал! Подавай ему Фролова, а больше никого не признаёт.

Вот я слышу, командир говорит:

«Что делать с Потапом? Не ест, не пьёт и кусается. Пропадает пёс!»

Тут мне что-то в голову ударило.

«Как, – думаю, – пропадает? А я, Галоша, на что?»

– Ага! – прервал я рассказ повара. – Вот что, товарищ Галоша, давайте-ка пойдём в комнату. Что это мы на крыльце застряли? Слушать так слушать.

Глава четвёртая, в которой имеются сосиски

– Слушать так слушать, – сказал я, когда мы с Галошей вошли в комнату и сели у стола.

Галоша вздохнул, поглядел на часы и продолжал:

– Решил я с Потапом с этим подружиться. Человек я особый, пахну вкусно, и собакам это нравится.

Вот я положил в нагрудный карман две сосиски и пошёл к Потапу. Он жил в отдельном закутке в собачьем сарае. Прихожу и вижу: Потап лежит на полу скучный, только хвостом по полу похлопывает.

«Привет!» – говорю.

Но Потап даже глаз не открывает. А хвостом хлопать перестал.

Тогда я достаю из кармана одну сосиску – Потап открывает один глаз. Достаю другую – открывает другой. Спрятал я сосиски – Потап глаза закрыл. Достал – снова открыл.

«Ну, – думаю, – всё, голубчик! Попался!»

Вот я говорю Потапу:

«Ты да я – нас двое. И сосиски две. Поделим по-братски».

С этими словами я стал свою сосиску есть, а другую в руке держу. Только один раз я откусил, и Потап облизнулся. А я нарочно медленно ем и так кусаю сосиску, что из неё сок брызжет.

«Ну и сосисочка! Какая сочная!» – говорю.

Пока я свою сосиску жевал, Потап совсем очумел, до того ему захотелось попробовать. Доел я сосиску, а вторую ему всучил – он её и проглотил!

«Ты да я, – говорю, – Потап, – нас двое. И две сосиски было. И съели мы их по-братски. Ты это, – говорю, – пойми!»

Тут я ушёл, а через час снова две сосиски принёс и ещё гитару.

Потап очень удивился, когда увидел гитару. Смотрит на меня и как бы хочет сказать: «Зачем ты гитару-то притащил? Мне и сосисок хватит».

А я сыграл ему на гитаре, угостил сосиской, и, конечно, Потап сделался моим приятелем.

Через несколько дней он ко мне совсем привык, и я вышел с ним погулять.

Вот мы гуляем во дворе заставы, а навстречу нам идёт рядовой Юра Молоканов. Увидел нас и рот открыл от изумления. А я говорю:

«Закройте поскорее рот, товарищ Юра Молоканов, а то ворона влетит!»

Глава пятая, в которой Галоша идёт в секрет

– «Закройте поскорее рот, товарищ Юра, – толкую я. – А то, мол, ворона влетит!»

А Юра Молоканов стоит и только глаза на нас таращит.

Но вот он всё-таки закрыл рот и побежал докладывать командиру.

Гремя сапогами, командир выскочил на крыльцо и видит: да, мы с Потапом гуляем во дворе.

«Ну молодец!» – говорит тут командир и в тот же день отправляет меня с Потапом охранять границу – в секрет!

С нами пошёл старшина Кошкин, слышали небось.

Волновался я ужасно – всё-таки первый раз шёл в секрет. А Кошкин увидел, что я волнуюсь, и говорит:

«Золотой мой Галоша, а не хотите ли вы поймать нарушителя?»

«Конечно, хочу».

«Держите карман шире», – говорит старшина Кошкин.

Вот пришли мы на место и замаскировались в кустах на краю большой поляны. Посреди поляны – озеро. За озером – граница. Рядом со мной – пенёк, за пенёком – Потап, в пенёке – телефон. Правда-правда! Там такая штучка имеется в пенёке, вроде как штепсель. Сунешь в неё провод от телефонной трубки – и с дежурным по заставе поговорить можно.

Замаскировались мы и лежим. Лежим час, лежим другой... Тишина. Никто не идёт через границу.

Глава шестая, в которой появляется халат

– Никто не идёт через границу. Тишина...

А мы лежим в кустах. Так вот, я лежу, рядом – Потап. Чуть подальше – Кошкин с автоматом. Зорко следит Кошкин: не идёт ли кто через границу? И я тоже смотрю, и Потап смотрит. Нет, никто не идёт.

На третьем часу у меня уже глаза устали. Одно и то же перед глазами: поляна, озеро, осока...

Осока?

Осока-то шевелится!

Не от ветра ли?

Нет, не от ветра – ветер не дует!

Смотрите-ка, по берегу человек ползёт!

В маскировочном халате!

А халат в серых, зелёных и коричневых пятнах, вот его и не видно!

Тут лоб у меня вспотел, а ноги похолодели. А он ползёт прямо на меня!

«Ну, – думаю, – ползи, халат! Ползи!»

Скоро он совсем близко к нам подполз. Я уже слышу, как он дышит.

Что делать?

Чувствую: нужно что-то крикнуть, а что крикнуть, не знаю. Забыл.

Вот он подползает так близко, что до него доплюнуть можно, я и говорю тогда:

«Попался, голубчик!»

И так хрипло это у меня получилось, как будто в горле была ржавая труба.

Ух, как он напугался! На колени встал и глаза выпучил, а меня не видит. И тут Потап выходит из кустов.

«Шарик, – говорит он Потапу, – это я, Рудик!»

А Кошкин кричит:

«Руки вверх!»

Но он руки вверх не поднял, стал ими по карманам шарить – пистолет искать, но тут Потап навалился на него и мигом обработал. И мы с Кошкиным подбежали, связали голубка.

«Пустите, – говорит он, – я ведь просто так».

«Ничего себе «просто так», – думаю. – А зачем халат напялил и два пистолета в карман положил?»

Подожёл я к пеньку, звоню командиру – так, мол, и так.

«Высылаю наряд, – говорит он. – Наблюдайте границу».

«Слушаюсь!»

Снова мы с Кошкиным замаскировались, а этого нарушителя – в кустики. Он и не пикнул.

И только мы успели всё это проделать, смотрю – другой ползёт!

– Бросьте! – не выдержал я. – Не может быть!

– Чтoб меня громом разразило! Точно! Второй ползёт, и тоже в халате!

«Ну, – думаю, – попёрло-то!»

Вот он подползает, и Кошкин кричит: «Стой!» А я Потапа выпускаю. У, Потап! Страшный пёс! Вскочил ему на спину, пасть разинул – ужас! Мы с Кошкиным подскочили и только успели этого связать...

– Третий ползёт? – не выдержал я.

– Нет, – сказал Галoша и посмотрел для чего-то на часы. – Третьего не было.

– Жаль, – сказал я. – Хорошо бы, если б был третий.

– А вы придумайте, – сказал Галoша. – Когда будете рассказ писать, вы придумайте, что был третий, и дело с концом.

– Посмотрим, посмотрим... – сказал я. – Придумать можно всё что угодно.

Глава седьмая, в которой Галоша становится красным как рак

- Придумать-то можно всё что угодно, – сказал я. – Интересно, что было на самом деле.
- А вот что, – сказал Галоша. – Не успели мы второго обезоружить – подоспел наряд, высланный капитаном.
- И всё?
- Так точно.
- Ну, спасибо вам, товарищ Галоша. Мне очень понравился ваш рассказ. Я сейчас запишу его в записную книжку. Может быть, вы хотите что-то добавить?
- Да нет, – сказал Галоша и опять посмотрел на часы. – Добавлять особенно нечего.
- Тут он снял с головы колпак и подбросил его вверх, и не успел ещё колпак надеться ему на макушку, как дверь открылась и в комнату вошёл капитан Воронцов.
- Товарищ капитан! Разрешите доло...
- Вольно! – сказал капитан.
- Капитан поглядел, что у меня записная книжка, и сказал:
- Собираете материал для рассказа?!
- Да вот, – сказал я, – хочу записать кое-что о подвигах товарища Галоши.
- О подвигах? – удивился капитан. – Это о каких же?
- Как – о каких? – удивился теперь я и стал пересказывать капитану то, что слышал.
- Ай-яй, – сказал капитан. – Что это вы, товарищ Галоша, сочиняете?
- Галоша сильно покраснел и сказал:
- А что же, товарищ капитан, разве и приврать нельзя?
- Нельзя!
- Слушаюсь!
- Можете идти, – сказал капитан, и Галоша, красный как рак, вышел за дверь.

Глава восьмая, последняя

- Красный как рак Галоша вышел за дверь, а мы с капитаном закурили.
- М-да, – сказал я.
- Капитан промолчал.
- Отъявленный врун ваш Галоша.
- Приврать он любит. Зато повар хороший.
- На границе и повар не должен зря болтать. Это никуда не годится.
- Капитан Воронцов кашлянул.
- Ладно, – сказал он. – Придётся открыть секрет.
- Что такое? – удивился я. – Какой секрет?
- А вот какой. Сегодня на границе сложилась трудная обстановка. Понимаете? Нам нужно было, чтобы вы посидели пока дома. Вот я и дал товарищу Галоше особое задание – отвлечь вас, рассказать что-нибудь.
- Трудная обстановка? – удивился я. – Что же это за обстановка такая?
- А это секрет, – ответил Воронцов. – Военная тайна. Пойдемте-ка лучше ужинать.
- На улице была уже ночь.
- Во дворе заставы на невысоком столбе горел фонарь. Под его светом несколько пограничников чистили автоматы.

«Трудная обстановка, – думал я. – Значит, и выстрел, который я слышал, был неспроста. И может быть, человек, который померещился мне на скале, был нарушитель!»

– Вообще-то, – сказал капитан, – всё, что рассказал Галоша, было на самом деле с Кошкиным и Молокановым.

– А насчёт сосисок?

– Насчёт каких сосисок? – удивился Воронцов.

– Ну, насчёт Потапа, – объяснил я.

Капитан засмеялся:

– Это тоже правда. Галоша сумел подружиться с Потапом, а потом приучил его работать с Молокановым. Кошкин и Молоканов задержали двух нарушителей.

Мы вошли в столовую. Там, за окошечком в деревянной стене, стоял Галоша. Увидев меня, он снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

– Прошу, – сказал Галоша.

Он поставил на стол несколько тарелок, и мы стали ужинать, а когда поужинали, капитан спросил:

– Ну, как ужин?

– Отличный! – ответил я.

– Выходит, наш Галоша молодец?

– Пожалуй.

После ужина капитан повёл меня в дежурную комнату. Там стояли два пограничника, а рядом сидел огромный пёс. Действительно, замечательный пёс! Я увидел, что грудь у него крепкая, как у волка, и уши – столбом. Это был Потап.

– Приказываю выйти на охрану государственной границы, – сказал капитан Воронцов. – Отправитесь по дозорной тропе на левый фланг нашего участка... Ваша задача: не допустить нарушения границы!

– Есть не допустить нарушения границы! – ответил старшина Кошкин и вышел на улицу.

Следом – Молоканов и собака Потап.

С крыльца я видел, как они прошли перед освещёнными окнами заставы и пропали в темноте.

Белая лошадь

Прошла ночь.

Бледный рассвет поднялся над горой и осветил кругом горы, камни, скатившиеся со склонов, землю. Нашу и чужую.

Плавная тень выскользнула из ущелья и высоко в небе превратилась в слабую точку – неподвижного орла.

Чужая земля – вот она, близко. Такая же земля, как наша: коричневая, потому что наступила уже осень, завяла трава и стебли её высохли.

На самой вершине горы – пограничная вышка. Оттуда далеко видно: и чужую землю видно и нашу.

Видно, как горы стекают со своих вершин, переходят одна в другую.

Камни вокруг и камни, вялая трава, полосатые пограничные столбы... Пустынно.

Высоко стоит орёл в утреннем небе.

Серо и коричнево по горам. Только в одном месте, на пологом склоне, – зелёная полоса. Там бьёт из земли подкаменный ключ, и трава у ключа ещё не умерла от осенних ночных заморозков, держится, зеленеет до первого снега.

Ключ разливается по земле ручьём, и у ручья, в зелёном квадрате, медленно движется светлое пятно – белая лошадь.

Где-то внизу, в долине, она вырвалась из табуна и помчалась в горы. Вдоль самой границы бредёт лошадь, пасётся.

– Всё тихо, – докладывает пограничник с вышки по телефону, – всё тихо, товарищ капитан. Только возле ручья бродит белая лошадь.

– Белая лошадь?

– Белая лошадь.

– Продолжайте наблюдение.

Вправо, влево, по склону, по ущелью, по нашей земле, по чужой ползут толстые стёкла бинокля. В них плывут каменные россыпи, крутобокий валун искривляется в гранях стекла. Близко перед глазами бродит лошадь.

Солнце приплыло к полудню.

Орёл переместился ниже, и видно теперь, что он совершает медленные круги над землёй.

В ущелье, из которого он поднялся утром, что-то мелькнуло.

Медленно-медленно чуть заметные пятна ползут краем расселины, хоронятся за гребнями камней.

В круглых стёклах бинокля они увеличились – волки.

– Волки! – докладывает пограничник с вышки по телефону. – Идут по следу лошади.

Светлое пятно неподвижно в зелёном квадрате. Лошадь стоит у ручья, охваченная внешним теплом осеннего солнца. Она покачивает головой, мерно покачивает головой в стёклах бинокля.

Волки приближаются к валуну. Он лежит на их пути к лошади.

Видно в бинокль, как первый волк дрогнул и подскочил вверх. Потом упал, ударил головой в землю. Метнулись в сторону два других волка, и скоро донёсся до пограничника на вышке слабый щелчок – выстрел.

– Старшина Кошкин убил волка, – докладывает пограничник с вышки по телефону, – два других идут по следу лошади.

Светлое пятно выскользнуло из зелёного квадрата – лошадь мчится по высохшей земле.

Бьёт пена из её ноздрей, комья и камешки рвутся из-под копыт.

Волки ныряют в низинки, выносятся на бугры – чуть заметные точки, сплюсненные пространством.

Мельтешат копыта, бешено мечется грива, и крутые колени, напряжённо согнутые в беге, дрожат в круглых стёклах бинокля. Видно, как вздулись тяжёлые жилы на шее лошади.

Наша земля легко спустилась с горы, пролегла под полосатым столбом и поднялась вдали уже чужой горю.

Пограничник на вышке видит, что лошадь пересекла границу. Волки бегут чуть ли не вровень с лошады, но теперь стрелять нельзя – чужая земля.

Это так незаметно. Только пограничный столб, повернутый к нам иностранным гербом, отмечает, что уже и шагнуть дальше нельзя.

Вдали, за столбом, видно селение. Прибитые к земле, сложенные из тёмных камней домики – каменные шалаши. Низкие крыши наплывают одна на другую. Это кочёвка. Летом здесь живут пастухи, а сейчас осень – пусто. Вспыхивает под солнцем у крайнего дома то ли осколок стекла, то ли след слюды на камне...

Голова лошади запрокинута. В ярости и страхе она уже не видит, как прыгнул волк, и не чувствует скользящего удара. Тонкой нитью пересекла бок лошади кровавая полоса. Второй волк прыгнул и сам отлетел, закувыркался под откос.

Пограничник на вышке ведёт бинокль: то в наклон, то вбок пересекаются склоны гор, то вперёд, то назад ломаной линией проходит по ним граница.

То входит чужая земля клином в нашу, то наша – в чужую клином.

Белая лошадь бежит по прямой.

Вот она снова уже на нашей земле.

Видно в бинокль, как растёкся кровавый ручей на её боку.

Из щели между скал блеснуло холодом – волк покатился через голову, а второй закрутился на месте и пополз, пополз в сторону.

Автоматная очередь донеслась до наблюдателя на вышке, легко прошелестела и рассыпалась по склонам гор.

– Наряд Молоканова уничтожил волков, – докладывает пограничник по телефону.

Вскинув голову, мчится лошадь и долго ещё перекачивается мелкой точкой среди гор. Только у ручья в зелёном квадрате останавливается.

Видно в бинокль, как она катается по траве, поворачивается на спину...

Пограничник на вышке поводит бинокль вдоль воображаемой линии, тяжело лежащей на земле, – границы...

Круглые стёкла минуют каменные россыпи, натыкаются на полосатые столбы. В них вплывает чужое селение, пустые горы вокруг.

Солнце доплыло до заката.

Орёл отлетел далеко, и уже только в бинокль видно, как стоит в небе неподвижная точка.

– Всё тихо, – докладывает пограничник с вышки по телефону, – всё тихо, товарищ капитан. Только возле ручья бродит белая лошадь.

– Белая лошадь?

– Белая лошадь.

– Продолжайте наблюдение.

Чистый дор

По лесной дороге

Солнце пекло уже которую неделю.

Лесная дорога высохла и побелела от пыли.

В колеях, где стояли когда-то глубокие лужи, земля лопнула, и трещины покрыли её густой сетью. Там, в колеях, прыгали маленькие, сухие лягушки.

Издалека я увидел: в придорожной канаве в кустах малины мелькает белый платочек. Небольшая старушка искала что-то в траве.

– Не иголку ли потеряли? – пошутил я, подходя.

– Топор, батюшка. Вчера попрятала, да забыла, под каким кустом.

Я пошарил в малине. С коричневых мохнатых стеблей и с вялых листьев сыпалась пыль. Топор блеснул в тени под кустами, как глубинная рыба.

– Вот он! – обрадовалась старушка. – А я-то думаю: не лесовик ли унёс?

– Какой лесовик?

– А в лесу который живёт. Страшный-то эдакий – бычьи бельмищи.

– Ну?

– Борода синяя, – подтвердила старушка, – а по ней пятнышки.

– А вы что, видели лесовика?

– Видела, батюшка, видела. Он к нам в магазин ходит сахар покупать.

– Откуда ж он деньги берёт?

– Сам делает, – ответила старушка и пошла с дороги. Её платочек сразу пропал в высокой траве и выпорхнул только под ёлками.

«Ну и ну!.. – думал я, шагая дальше. – Что же это за лесовик – бычьи бельмищи?»

Несмотря на солнечный день, темно было под ёлками. Где-нибудь в этой темноте, подальше от дороги, и сидит, наверно, лесовик.

Вдруг лес кончился, и я увидел большое поле, подобное круглому озеру. В самом центре его, как остров, стояла деревня.

Голубые масляные волны бродили по полю. Это цвёл лён. Высокий небесный купол упирался в лесные вершушки, окружавшие поле со всех сторон.

Я глядел на деревню и не знал, как она называется, и, уж конечно, не думал, что стану жить здесь, снова увижу старушку в белом платочке и даже лесовика.

Чистый дор

Лесная дорога пошла через поле – стала полевой. Дошла до деревни – превратилась в деревенскую улицу.

По сторонам стояли высокие и крепкие дома. Их крыши были покрыты осиновой щепой. На одних домах щепы стала от ветра и времени серой, а на других была новой, золотилась под солнцем.

Пока я шёл к журавлю-колодцу, во все окошки смотрели на меня люди: что это, мол, за человек идёт?

Я споткнулся и думал, в окошках засмеются, но все оставались строгими за стеклом.

Напившись, я присел на бревно у колодца.

В доме напротив раскрылось окно. Какая-то женщина поглядела на меня и сказала внутрь комнаты:

– Напился и сидит.

И окно снова закрылось.

Подожли два гусака, хотели загоготать, но не осмелились: что это за человек чужой?

Вдруг на дороге я увидел старушку, ту самую, что искала в лесу топор. Теперь она тащила длинную берёзовую жердь.

– Давайте пособию.

– Это ты мне топор-то нашёл?

– Я.

– А я-то думала: не лесовик ли унёс?

Я взял жердь и потащил её следом за старушкой.

В пятиокошном доме распахнулось окно, и мохнатая голова высунулась из-за горшка с лимоном.

– Пантелевна, – сказала голова, – это чей же парень?

– Мой, – ответила Пантелевна. – Он топор нашёл.

Мы прошли ещё немного. Все люди, которые встречались нам, удивлялись: с кем это идёт Пантелевна?

Какая-то женщина крикнула с огорода:

– Да это не племянник ли твой из Олюшина?

– Племянник! – крикнула в ответ Пантелевна. – Он топор мне нашёл.

Тут я сильно удивился, что стал племянником, но виду не подал и молча поспежал за Пантелевной.

Встретилась другая женщина, с девочкой на руках.

– Это кто берёзу-то везёт? – спросила она.

– Племянник мой, – ответила Пантелевна. – Он топор нашёл, а я думала: не лесовик ли унёс?

Так, пока мы шли по деревне, Пантелевна всем говорила, что я ей племянник, и рассказывала про топор.

– А теперь он берёзу мне везёт!

– А чего он молчит? – спросил кто-то.

– Как так молчу? – сказал я. – Я племянник ей. Она топор потеряла и думает, не лесовик ли унёс, а он в малине лежал. А я племянник ей.

– Давай сюда, батюшка племянник. Вот дом наш.

Когда выстраивается шеренга солдат, то впереди становятся самые рослые и brave, а в конце всегда бывает маленький солдатик. Так дом Пантелевны стоял в конце и был

самый маленький, в три оконца. Про такие дома говорят, что они пирогом подпёрты, блином покрыты.

Я бросил берёзу на землю и присел на лавочку перед домом.

– Как называется ваша деревня? – спросил я.

– Чистый Дор.

– Чего Чистый?

– Дор.

Дор... Такого слова я раньше не слышал.

– А что это такое – Чистый Дор?

– Это, батюшка, деревня наша, – толковала Пантелевна.

– Понятно, понятно. А что такое дор?

– А дор – это вот он весь, дор-то. Всё, что вокруг деревни, – это всё и есть дор.

Я глядел и видел поле вокруг деревни, а за полем – лес.

– Какой же это дор? Это поле, а вовсе не дор никакой.

– Это и есть дор. Чистый весь, глянь-ка. Это всё дор, а уж там, где ёлочки, – это всё бор.

Так я и понял, что дор – это поле, но только не простое поле, а среди леса. Здесь тоже раньше был лес, а потом деревья порубили, пеньки повывёргивали. Дёргали, дёргали – получился дор.

– Ну ладно, – сказал я, – дор так дор, а мне надо дальше идти.

– Куда ты, батюшка племянник? Вот я самовар поставлю.

Ну что ж, я подождал самовара. А потом приблизился вечер, и я остался ночевать.

– Куда ж ты? – говорила Пантелевна и на следующее утро. – Живи-ка тут. Места в избе хватит.

Я подумал-подумал, послал куда надо телеграмму и остался у Пантелевны. Уж не знаю, как получилось, но только прожил я у неё не день и не месяц, а целый год.

Жил и писал свою книжку. Не эту, а другую.

Эту-то я пишу в Москве.

Гляжу в окошко на пасмурную пожарную каланчу и вспоминаю Чистый Дор.

Стожок

У излучины реки Ялмы в старой баньке жил, между прочим, дядя Зуй.

Жил он не один, а с внучкою Нюркой, и было у него всё, что надо, – и куры, и корова.

– Свины вот только нету, – говорил дядя Зуй. – А на что хорошему человеку свинья?

Ещё летом дядя Зуй накосил в лесу травы и сметал стожок сена, но не просто сметал – хитро: поставил стог не на землю, как все делают, а прямо на сани, чтоб сподручней было зимой сено из лесу вывезти.

А когда наступила зима, дядя Зуй про то сено забыл.

– Дед, – говорит Нюрка, – ты что ж сено-то из лесу не везёшь? Ай позабыл?

– Какое сено? – удивился дядя Зуй, а после хлопнул себя по лбу и побежал к председателю лошадь просить.

Лошадь председатель дал хорошую, крепкую. На ней дядя Зуй скоро до места добрался. Смотрит – стожок его снегом занесён.

Стал он снег вокруг саней ногой раскидывать, оглянулся потом – нет лошади: ушла, проклятая!

Побежал вдогонку – догнал, а лошадь не идёт к стогу, упирается.

«С чего бы это она, – думает дядя Зуй, – упирается-то?»

Наконец-таки запряг её дядя Зуй в сани.

– Но-о-о!..

Чмокает дядя Зуй губами, кричит, а лошадь ни с места – полозя к земле крепко примерзли. Пришлось по ним топориком постучать – сани тронулись, а на них стожок. Так и едет, как в лесу стоял.

Дядя Зуй сбоку идёт, на лошадь губами чмокает.

К обеду добрались до дому, дядя Зуй стал распрягать.

– Ты чего, Зуюшко, привёз-то? – кричит ему Пантелевна.

– Сено, Пантелевна. Чего ж иное?

– А на возу у тебя что?

Глянул дядя Зуй и как стоял, так и сел в снег. Страшная какая-то, кривая да мохнатая морда выставилась с воза – медведь!

«Р-ру-у-у!..»

Медведь зашевелился на возу, наклонил стог набок и вывалился в снег. Тряхнул башкой, схватил в зубы снегу и в лес побежал.

– Стой! – закричал дядя Зуй. – Держи его, Пантелевна.

Рывкнул медведь и пропал в ёлочках.

Стал народ собираться.

Охотники пришли, и я, конечно, с ними. Толпимся мы, разглядываем медвежьи следы.

Паша-охотник говорит:

– Вон какую берлогу себе придумал – Зуев стожок.

А Пантелевна кричит-пугается:

– Как же он тебя, Зуюшко, не укусил?..

– Да-а, – сказал дядя Зуй, – будет теперь сено медвежатиной разить. Его, наверно, и корова-то в рот не возьмёт.

Весенний вечер

Солнце повисело в осиновых ветках и пропало за лесом. Закат расплылся в небе.

Низко, в половину берёзы, над просекой пролетел большой ястреб. Он летел бесшумно, совсем не шевеля синими крыльями.

Я стоял на поляне, снега на которой почти не было. Только под высокими деревьями ещё холодели сугробы.

Дрозды-дерябы трещали и голосили на ёлках. Казалось, это еловые шишки трутся друг о друга зазубренными боками.

Я почувствовал странный запах, который шёл с земли. Из старой травы, из прелых листьев торчали какие-то короткие стебли. На них распустились небольшие сиреневые цветочки. Я хотел сорвать несколько, но стебли не поддавались, гнулись в руках и наконец лопнули, переломившись. Они оказались полыми – пустыми внутри.

От цветов пахло так приятно, что даже закружилась голова, но стебли их будто зашевелились в руке. Показалось, они живые и ядовитые.

Стало неприятно, и я отложил цветы на пенёк.

«Свис-с-с-с-с!..» – пронесли над поляной чирки. Еле заметён в тёмном небе их серебряный след.

Сумрак поднялся с земли, стемнело, и тогда послышался хриплый и ласковый голос за берёзами:

«Хорх... хорх... хорх... хорх...»

Длинноклювая, с косыми крыльями птица вылетела из-за леса и пошла над поляной – «хорх... хорх...», – то ныряя вниз, то вскидываясь, как бабочка.

Вальдшнеп! Вальдшнеп тянет!..

Совсем стемнело, и я пошёл к дому.

Холодом тянуло по земле, хрустела под ногами корка льда, схватившая лужи.

На опушке в лицо вдруг повеяло теплом. Земля оттаяла, согрелась за день, теперь воздух греется об неё.

Я шёл полем и вспоминал цветы, оставленные на пеньке. Снова показалось, что стебли их шевелятся, шевелятся в руке.

Я не знал, как называются эти цветы.

Потом только узнал – волчье лыко.

Фиолетовая птица

Как-то в мае, когда снег уже потаял, я сидел на стуле, вынесенном из дому, и чистил ружьё.

Дядя Зуй сидел рядом на чурбаке и заворачивал махорочную самокрутку.

– Видишь ты, какие дела-то... – сказал он. – Куры у меня не ноские.

– Яиц не несут?

– Яйцо в неделю – разве ж это носкость?

Такого слова я вроде не слышал. Чудное – сразу в нём и «нос» и «кость».

Сквозь ружейные стволы я глянул в небо. В них вспыхнули и нанизались одно на другое светлые оранжевые кольца, где-то в конце стволов слились в голубой пятёк – кусок неба.

– Я уж тут новую несушку купил, – толковал дядя Зуй. – У Витьки Белова. У него все куры ноские.

Дочистив ружьё, я пошёл поглядеть на новую несушку.

Три курицы бродили у Зуюшки во дворе. Две-то были знакомые пеструшки, а третья – необыкновенного фиолетового цвета. Но вела она себя нормально, говорила «ко-ко-ко» и клевала намятую варёную картошку.

– Что это за масть у неё?

– Она белая, – сказал дядя Зуй. – Но, видишь ты, белые куры в каждом дворе, так я её чернилами приметил, чтоб не спутать.

– Гляди, станет она фиолетовые яйца носить.

Тут курица вдруг подошла ко мне и – хлоп! – клюнула в сапог.

– Пошла! – сказал я и махнул ногой.

Курица отскочила, но потом снова подбежала и – хлоп! – клюнула в сапог.

– Цыпа-цыпа, – сказал дядя Зуй, – ты что, холера, делаешь?

Тут я догадался, в чём дело. Сапоги были все облеплены весенней грязью. С утра я ходил на конюшню, а там кто-то просыпал овёс. Потом белил яблони, обкапал сапоги извёсткой. Каждый сапог превратился теперь в глиняный пирог с овсом и с извёсткой.

Фиолетовой несушке так понравились мои сапоги, что, когда я пошёл домой, она двинула следом.

На крыльце я снял сапоги и отдал ей на растерзание. Из окошка я видел, что она обклеивала весь овёс и всю извёстку. Извёстка ей нужна, чтоб скорлупа у яиц была прочнее.

Обклевав сапоги, курица опрокинула банку с червями, накопанными для налимов, и принялась за них.

Тут я не выдержал, выскочил на крыльцо и схватил полено.

Взмахнув чернильными крыльями, она перелетела со страху весь двор и уселась на берёзе.

На другой день, возвращаясь с охоты, я увидел на дороге фиолетовую птицу. Издалека она узнала меня и подбежала, чтоб клюнуть в сапог.

Пока была на дорогах грязь, курица встречала и провожала меня. Но вот весна кончилась, грязь на дорогах подсохла. Как-то я шёл из леса и снова увидел на дороге свою знакомую.

А она-то даже и не поглядела на меня, пошла прочь.

«Что такое?» – подумал я.

Глянул на свои сапоги и увидел – нету сапог. Иду я по траве босиком – лето наступило.

Под соснами

Апрель превратился в май. Снега в лесу совсем не осталось, а солнце грело и грело. Оно меня совсем разморило после бессонной ночи на глухаринном току.

Я шёл по болоту и время от времени бухался на колени в моховую кочку – собирал прошлогоднюю клюкву.

Перележав зиму под снегом, клюква стала синеватой и сладкой.

За болотом оказался бугор. Здесь росли десятка два сосен.

Я снял куртку, постелил её и прилёг под соснами.

Бугор сплошь был усыпан божьими коровками, как давешние болотные кочки клюквой. Мне это понравилось, но скоро я понял, что клюква лучше божьих коровок хотя бы потому, что она не двигается.

Напрасно я просил их улететь на небо и принести хлеба – божьи коровки ползали по лицу, забирались в волосы и за пазуху. Вначале я сощёлкивал их, а потом плюнул и, перевернувшись на спину, стал глядеть вверх.

Сосны уходили в небо.

Казалось, они растут прямо из меня, из моей груди.

Божьи коровки взлетали, и тогда было видно, как закручивается между стволов кирпичная и прозрачная точка.

Вверху дунул ветер. Сосна уронила шишку.

Шишка гулко ударилась о землю.

Я прикрыл глаза и задремал. Было слышно, как шумят сосновые ветки и далеко бубнят-бормочут тетерева.

Послышался приглушённый звук трубы.

«Лось, что ли? – подумал я. – Да нет, гон у лосей осенью».

Труба была еле слышна, но играла отчётливо, с переливами.

Звук её был медный, не лесной. Лось не умеет так трубить. У него голос – стон, глухой, хриплый, а этот будто неживой.

Очень тихо, незаметно за первой трубой вступила вторая. Её голос был ниже. Он помогал, подпевал первой.

«Что это за трубы? – думал я. – Не лось это и не журавель».

Солнце припекало, и я дремал, а потом и вовсе заснул и во сне уже сообразил, что звуки эти доносятся из земли, из бугра. А бугор похож на огромный кривой барабан. Он ухает и глухо гудит, а совсем-совсем глубоко в земле слышатся переливы, будто кто-то струны перебирает.

Мне снилось, что сосны – это и есть медные музыкальные трубы, только корявые, обросшие ветками. Они трубят, медленно раскачиваясь надо мною.

Когда я проснулся, солнце опускалось. Ни звуков трубы, ни струнных переборов не было теперь слышно. Только на нижних ветках сосны бил зяблик.

Я приложил ухо к сосновому стволу: слышался шум, далёкий, как в морской раковине.

Спустившись с бугра, я пошёл к дому, а сам всё думал, что же это за звуки доносились из земли. Может быть, в бугре был подземный ручей – играл, захлёбывался весенней водой?

В тот день я добрался к дому под вечер, сразу пошёл в баню и, конечно, думать забыл о звуках, которые доносились из бугра.

Я бы и не вспомнил о них, если б не услышал вот какую историю.

Во время войны здесь, неподалёку от Чистого Дора, был бой.

Наши солдаты шли через лес и через болота, а немцы обстреливали их из миномётов. Вместе со всеми шёл солдатский духовой оркестр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.